

МИГЕЛЬ . НАЧАЛО

А началось-то все как? А началось все с момента, когда лучший город в мире нам раскрылся во всей своей неочевидной и потрясающей полноте.

После того как во мне опознали сверхчеловека и расширили мою вотчину на всю Восточную Европу, в напарники мне дали Мигеля.

По плану было так: на территории Испании больше рулит и принимает гостей Мигель, а выезды в дикие восточные страны — я. Но все сразу пошло в сторону женских гениталий, потому что в Испании планы пишутся уже с описанием того, почему они не сработают.

Ну да ладно.

После первого знакомства Мигель произвел на меня впечатление человека рассеянного и сильно злоупотребляющего своими гениталиями. Прямо на износ.

Первое впечатление оказалось верным. Последующие семь лет можно описать как череду

психоэротических походов Мигеля в поисках вечной истины.

И вот, после полугода в Мадриде и окрестностях, мы полетели в Москву.

Каков был алгоритм приема гостей в Мадриде? Встреча в аэропорту и, в зависимости от времени суток, либо попытка успеть на обед в ресторан, либо все уже закрыто и надо ждать, пока что-то откроется, либо ночь и всем кушать орешки из мини-бара в номере.

Отдельную статью составляли унижения перед персоналом ресторанов, чтобы тебе дали столик, не стоящий вплотную к соседнему, возможность посидеть на полчаса дольше после обеда и вообще... Это ад. Идя в ресторан, ощущаешь себя сразу всеми немецкими генералами, подписывающими акт о безоговорочной капитуляции. Если самолет задержали, то надо либо кормить гостей фастфудом или снеками, либо предлагать анилингус повару, чтобы тот остался после смены на десять минут и приготовил вам три порции пасты.

Только за пару лет невероятных чаевых, комплиментов, подарков из Сайберии и обещаний оральных утех мне удалось создать в Мадриде свои намоленные места, где с девяти утра до хотя бы одиннадцати вечера тебя примут и обслужат по-человечески. Надо учитывать, что смысл был

принимать гостей на уровне и создавать хотя бы жалкую имитацию сервиса. А с этим в Мадриде прям плохо.

И вот, угнетенные страхом опоздать на обед и не успеть съесть все, пока официант не решит переворачивать стулья прямо при вас, мы прилетели в Москву.

Был час ночи. Вышли в Шереметьево, нашли своего водителя. И тут Мигель идет к какому-то аппарату с фастфудом, собираясь что-то купить. Я его останавливаю. Зачем? Сейчас пойдём поедим в городе по-человечески.

Сейчас?! Час ночи же!

Да господи, Мигель. Это же Москва.

Поехали в «Кофеманию» на Покровке. Мы туда вошли, и Мигель опешил. В два ночи — светлый просторный ресторан с кучей людей и не сонными официантами.

Что можно заказать?

Что за глупый вопрос! Все. Все, что в меню.

И суп тоже? И еду. И десерты... Господи боже мой, какой тут выбор десертов! А какой кофе! Вино! Все есть, все можно заказать, и никуда не надо спешить.

После трех блюд, белого вина и десерта Мигель сомлел.

Чтобы усугубить шок, я повел его в бар по соседству и поил хересом, коктейлями и шартрезом. И продолжал шокировать, предлагая поехать в книжный магазин, который круглосуточный, и покурить кальян.

Под утро, заходя в свой номер, он повернулся ко мне и сказал:

— Не знаю, что будет дальше, но мне очень нравится этот город.

С любви к Москве все и началось.

МОРОЖЕНОЕ

О детстве не осталось больших воспоминаний. Длинных. Только кадры и фрагменты.

От этого их магнетизм еще сильнее.

Тот самый венчик миксера, с которого мне дали слизать крем для торта. Деду пятьдесят, и в нашем загородном доме собралось полмира. Так кажется. И уж точно все хирурги города и района. Кто-то играет на рояле.

Еды эпически много. Сейчас я даже не представляю себе, как это делалось. Как мылось столько посуды, готовилось столько еды, варилось столько кофе. И как столько людей умещалось за одним столом. Будто они сидели в три слоя и в трех измерениях. Столы были какие-то другие. Многомерные.

Я рассказываю кому-то из коллег деда сюжет книжки «Пану Понтева». Он сильно пьян. Глаза размякли. Но внимательно меня слушает.

Танцевать трудно. Они делают это долго. Кто-то играет на рояле, песни по десять минут. Но какую-то песню я допрыгиваю до конца.

Подбегаю к бабушке, чтобы поделиться достижением — я дотанцевал до конца. Я молодец. Но она очень увлеченно говорит о чем-то с тетей. Отчетливо помню, что они сказали слово «комиссионка». Я не дотерпел до конца их беседы. И утонул в этом вечере.

Кто-то упомянул Изауру и Леонсио.

Где-то там еще Кубок Союза и играет «Арарат». Марадона вчера забил.

На столе стаканы с мороженым, залитые сверху домашним вишневым вареньем. Некоторые стоят нетронутыми и тают. Я беру один из покрытых инеем стаканчиков и пью. Это первый молочный коктейль в моей жизни. И он очень вкусный.

Отовсюду доносится слово «события». События в Прибалтике, в Средней Азии, в Закавказье... События. Миропорядок трещал по швам. И мы уже падали в тектонический разлом эпох, хоть и не знали этого.

Последний раз я был в нашем загородном доме поздней осенью. 26 октября. В той зале не было ни души. Черный рояль покрыт темной тканью. Наверное, от пыли. Но похоже на траурную тафту. На стене репродукция «Неравного брака», а

напротив — черно-белая фотография прадеда, сделанная в 1945-м в Польше. Беспощадно, почеховски тихо, тикают часы.

Спустя тридцать лет окажется, что коллега деда, игравший в тот день на рояле,— родной дядя моей жены. Который уже тридцать лет живет в Неваде.

Спустя тридцать лет, встретив в престижном пригороде Мадрида бабушку, гуляющую под руку с каким-то доисторическим стариком — отставным вице-адмиралом королевского флота,— я напому ей, что дотанцевал ту песню до конца. Она не поймет. Но ни понимания, ни одобрения я уже не ждал. Старику я посетовал, что просрали Трафальгар. Злой я стал.

Спустя тридцать лет я гулял с женой по блошиному рынку Риги. Я удивлялся этому тихому городу, будто бы без жителей, и пытался понять, что в нем такого находили мои родители раньше. Среди книжного развала я остановился. Старик продавал книги про Гитлера и значки со свастикой. На обложке одной Гитлер получает цветы от радостных деток. На другой — смотрит на горы Баварии. На полу огромная стопка слипшихся от влаги детских книг. Третья в стопке — «Пану Понтева». Я ее забыл там, в прошлом. Надо спасти ее тут от этого нациста.

Сидя в придорожном кафе под Варшавой в пять утра с тремя вусмерть пьяными еврочиновниками от медицины, мы заказываем все, чего требует наше хмельное сердце. Хозяин, чуя выгоду, приносит нам все не только из меню, но и из своего дома. Я вспомнил, что стою под Варшавой. И прадеда. И тот день. И тот последний день.

— У вас есть мороженое? А вишневое варенье? Хорошо. Только дайте подтаять.

Это все. И все это правда.

Надо жить, чтобы досмотреть до конца.

БОГОСПАСАЕМОЕ ОТЕЧЕСТВО И СТРАТЕГИЯ ПАПОРОТНИКА

То, в чем обвиняют евреев, армян, геев и бирмингемских цыган — то бишь помощь своим, — я объясняю иначе, назвав это ВССЛ. Взаимная симпатия странных людей.

По крайней мере, именно благодаря этой неизящной аббревиатуре я оказался в Ассоциации¹.

Все дело в том, что Отец-основатель Ассоциации тоже когда-то изучал богословие и философию. Точнее, я тоже, как и он. И вот, на одной камерной теологической конференции, где лекторов больше, чем зрителей, мы с ним случайно и познакомились. Как он удивился, что я стома-

---

¹ В данном случае имеется в виду некоторая европейская полугосударственная структура.

толог!!! Он думал, он такой один. А если к этому добавить общую для нас любовь к истории, фильмам Бунюэля и странной европейской поэзии — то вот результат: Отец-основатель (далее О. О.) представляет меня руководящему коллективу Ассоциации как нового сотрудника на новое направление.

То есть взяли меня исходя из жалости к моим странным наклонностям, и это факт. Ну и что мне дать, разве что Россию, где до меня ничего не было. Нельзя же сделать хуже, чем ничего. Но, по дискриминационным законам ЕС, надо было привязать ко мне кого-то кристально испанского, но при этом безнадёжного, чтобы не жалко было потерять его в лесах Сайберии.

Это был Мигель. После второго развода, второй свежести, второразрядный родственник второй жены Отца-основателя. То, что там повсюду родственники — конечно же, совпадение.

Представили меня Мигелю, Мигеля — мне, после чего кто-то из руководящего коллектива спросил, какая у нас стратегия по работе в России. С одной стороны, еще пять дней назад все мои мысли были о социальном богословии. С другой, у меня не то чтобы не было стратегии — я вообще не знал, что это такое. Но, к счастью, это

уже был тот период моей жизни, когда я перестал стесняться своих тупости и скудоумия. Даже больше — гордился ими. Во мне мозга, как в папоротнике, и не надо это скрывать. Как там говорил Сократ? Будь собой! Или это был не Сократ? Не помню. В общем, будучи собой на все 100%, я сказал:

— Не имею представления. Как-нибудь. С божьей помощью.

Мигель потом рассказывал, как тогда впервые подумал, что я сумасшедший. К слову, это мнение с тех пор не очень-то и изменилось.

Помощник О. О. слегка поперхнулся и сказал:

— С божьей помощью? Это ваша стратегия?

— Да,— серьезно ответил я.— Понимаете, Россия управляется напрямую Господом Богом, иначе нельзя объяснить, как она до сих пор существует.¹ Там это единственно верная стратегия. Потом, я туда еду как Колумб в свое путеше-

---

¹ «Русское государство обладает тем преимуществом перед другими, что оно управляется непосредственно самим богом, иначе невозможно понять, как оно существует». Христофор Антонович Миних, фельдмаршал, первый покоритель Крыма и вообще мудрейший и достойнейший во всех отношениях человек.

ствие — вообще неясно, что нас ждет. Возможно, там новый континент, а возможно — Индия.

Женщина в фиолетовом костюме захихикала, скрестив руки на переносице.

— А он прав, в Бразилии же было то же самое, когда я туда поехала.

Это была София, глава департамента «Бразилия».

О. О. иронично обвел взглядом стол и сказал:
— Ладно, попробуйте.

В итоге, с первого дня поведя себя так, чтобы от меня отстали, я попал в Ассоциацию на шесть долгих лет.

Прошло одиннадцать месяцев. Собрав совещание примерно в том же составе, О. О. подводил итоги года и представлял нам своего преемника. О. О. уходил на заслуженный отдых, а его место занимал Президент. Президентом, конечно же, стал тот чувак, который спросил у меня про стратегию.

— Итак,— начал он подводить итоги.— Первое место у нас, как всегда, занимает Бразилия, а вот второе место... департамент «Россия». Поздравляю,— сказал он, посмотрев на нас с Мигелем.— Надеюсь, вы сформировали стратегию на следующий год.

— Кстати,— начал слегка выпивший Мигель из эпицентра своего алкогольного бесстрашия,— Роберт был прав.

— Насчет?

— Насчет управления Богом.

— Ой, ну вы опять переводите в шутки...

— Да я не шучу, мы пытались выехать из Москвы в загородный дом, куда нас пригласили, три часа сорок минут. За это время Хайме долетел до Праги. Но в кафе с худшей пиццей в моей жизни дают сельдереевый сок, а на бензоколонке продают суши. Все, что я наблюдаю, настолько невероятно, что только версия Роберта может все объяснить.

— И вы не хотите представить стратегию и намерены продолжать в том же духе? Это же случайная удача, нам же нужно...

— Это не случайная удача, у нас намечающиеся контракты на новый год дадут 30% прироста.

— Для растущего направления было бы лучше в два и больше раз роста.

— Без расширения территории это сложно,— вдруг вырвалось у меня.

— Ну тогда берите весь постсоветский регион.

Чем тупее я себя вел, тем больше мне давали ресурсов и денег. Черт. Стратегия папоротника

работала, хоть я этого и не хотел. Я хотел просто стоять на подоконнике.

Мы с Мигелем переглянулись. Впереди было пять лет, драматичных для нашей печени, моих нервов и его простаты.

И как же плохо в это время играл «Реал», но я читал романы Иванова, и мне было все равно.

Посвящается О. О.

СЕРХИО

Серхио был тупым.

У каждого человека есть свои краугольные качества. У Серхио была тупость.

При этом Серхио заканчивал какие-то космические академии и курсы по подготовке разведчиков, но потом оказалось, что он живет в Испании и за неимением вакансий разведчика пошел работать в Ассоциацию. До нее он работал в других ассоциациях и союзах, где занимался примерно тем же, что и у нас. А именно — хрен знает чем.

Все так и говорили. Просто когда для солидности нужно было добавить в делегацию еще одно, на вид вдумчивое, лицо, либо для траты бюджета взять в командировку побольше людей, то брали Серхио.

А лицо у Серхио было и вправду вдумчивым и довольно красивым. Поэтому, если смотреть со стороны, казалось, что он думает и думает о чем-то важном. Хотя обычно он не думал, а если и